

Да, каждый этап испытаний лекарств имеет свои стандарты. На этапе биотестов, если препарат не соответствует нормам на подопытных животных, например на мышах, он не может перейти на следующий этап. Препарат Ли Чжэна, с выживаемостью мышей менее тридцати процентов, при самовольном переходе на стадию клинических испытаний на людях — это, строго говоря, преступление!

— Старый Чэнь, ты забыла, кого ты сама воспитала. Я знаю своё тело лучше всех. Существующие антибиотики на меня совсем не действуют. Я ещё могу так ясно говорить с вами только потому, что ты круглосуточно применяла физическое охлаждение. Но это бесполезно. Возможно, меньше чем через полдня я потеряю сознание, а затем мои органы начнут постепенно отказывать.

Сюй Миншэн был очень спокоен. Он перевернул лист с данными испытаний и на чистой обратной стороне чётко написал:

«Я, Сюй Миншэн, добровольно принимаю инъекцию карбапенемового антибиотика, разработанного господином Ли Чжэном. Я полностью осознаю опасность данного испытания. Я беру на себя всю ответственность за любые последствия, и никто не вправе предъявлять претензии.»

Подпись: Сюй Миншэн, 17 февраля 1983 года.

— Я не согласна! Я не согласна! По крайней мере, не сейчас! Я не согласна! — Чэнь Суфэнь, увидев действия мужа, не выдержала и закричала. В этот момент профессор Чэнь была просто обезумевшей родственницей больного. — Не сейчас, не сейчас! — повторяла она без умолку.

Чэнь Суфэнь понимала, что антибиотик Ли Чжэна, возможно, единственная надежда для Сюй Миншэна, но шанс слишком мал. Если не делать укол, может, у Сюй Миншэна есть ещё три-пять дней, и вдруг за это время случится чудо?

Она хотела подождать, подождать ещё немного, хотя сама не знала, когда придёт подходящий момент. Но сейчас! Она не могла этого принять!

— Старый Чэнь, как биолог и декан медицинского института Сянцзянского университета, я хочу, чтобы даже моя смерть была достойной и полезной. Снаружи ведь ещё много заражённых людей... — как только азарт прошёл, силы снова покинули Сюй Миншэна, и ему стало трудно говорить.

— Почему ты должен делать опыты для них, а не они для тебя! — наконец вырвалось у Чэнь Суфэнь. Сказав это, она побледнела, закрыла лицо руками и вышла из палаты. Гордая профессор Чэнь понимала, что потеряла врачебную гуманность и профессиональную этику. Ей нужно было успокоиться.

— Ли Чжэн, да? Я слышал о тебе от отца не раз. Раньше я был не в духе, но факты доказали, что я действительно уступаю тебе. Ты... — Сюй Кэцян замолчал на пару секунд. — Вы знакомы с мистером Кентом из «Мерсадона»?

«Мерсадон»? В глазах Ли Чжэна сверкнул интерес. Американская Merck в китайском переводе звучит как «Мерсадон», а Кент Блэр — руководитель нью-йоркской лаборатории «Мерсадона». В прошлой жизни он имел дело со стариком, очень хитрой лисой.

— Не знаком, — Ли Чжэн вспомнил, как Сюй Миншэн представлял ему сына, аспиранта Гарвардской медицинской школы, и что-то смутно догадался.

— Правда? — разочарование на лице Сюй Кэцяна промелькнуло мгновенно.

Кент Блэр когда-то выступал в Гарварде и упомянул, что в нью-йоркской лаборатории Мерск создан совершенно новый антибиотик. Конечно, он лишь вскользь обмолвился, но в медлаборатории Гарварда прошли слухи, что антибиотик, открытый Мерск, может быть эффективен против синегнойной палочки!

Узнав, что отец заражён синегнойной палочкой, Сюй Кэцян первым делом связался с научным руководителем, надеясь через него получить лекарство из лаборатории Мерск для отца.

Но, очевидно, у руководителя не было такого веса, чтобы просить мистера Блэра нарушить правила лаборатории. Он звонил Кенту Блэру бесчисленное количество раз, пока тот, выведенный из себя, не выключил телефон. Но из раздражённого Блэра он услышал одно слово — карбапенем...

Поэтому, когда он услышал от Ли Чжэна о карбапенемовой антибиотике, он весь затрясся от возбуждения.

— Маму я уговорю, отца же прошу тебя! — он также поставил подпись на документе, написанном отцом, затем глубоко поклонился Ли Чжэну.

Ли Чжэн слегка приподнял брови, кивнул и, не теряя времени, достал пробирку из термосумки.

— Ван Цзин, пригласи профессора Чэнь, ещё попроси её выписать лекарство для защиты почек и снижения нефротоксичности.

— Есть! — звонко отозвалась Ван Цзин и быстро побежала к двери палаты.

Но прежде чем она добралась до двери, её распахнули, и Чэнь Суфэнь вошла с подносом лекарств, с абсолютно спокойным лицом.

— Не нужно, я уже всё приготовила, начнём, — спокойным голосом сказала она.

Тёмно-красная жидкость медленно поступала в тело Сюй Миншэна по прозрачной ПВХ-трубке. Все в палате, не моргая, следили за тем, как жидкость в шприце Ли Чжэна убывает.

Он положил использованную иглу на металлический поднос, затем отступил на шаг и сказал Чэнь Суфэнь:

— Лекарство для защиты почек введите через полчаса, пероральный препарат для снятия токсичности можно принять прямо сейчас.

Чэнь Суфэнь кивнула. Раз уж испытание началось, она полностью подчинилась указаниям Ли Чжэна.

Положив таблетку в рот Сюй Миншэну, Чэнь Суфэнь сжала кулаки. В палате стояла такая тишина, что было слышно, как падает игла.

Спустя двадцать минут.

— Что это за красное на лице учителя? — вдруг спросил молодой человек.

Чэнь Суфэнь метнулась к кровати. Возле ушей Сюй Миншэна выступила красная сыпь, густая

и, казалось, наполненная жидкостью — жуткое зрелище.

Это была лекарственная сыпь, побочный эффект карбапенемового антибиотика.

— Контролируйте температуру, ЭКГ. Учитель, вы меня слышите? Не бойтесь, если будет тошнота — это нормально, потерпите, через полчаса пройдёт, — Ли Чжэн говорил спокойно, поглядывая на механические часы на запястье.

Он видел бесчисленные клинические испытания, но это, безусловно, было самым особенным.

— Ван Цзин, готова? Через пять минут внутримышечная инъекция.

Ван Цзин сглотнула слюну и сильно кивнула, рука с шприцем слегка дрожала.

— Ух! — лицо Сюй Миншэна вдруг позеленело, он резко повернулся к краю кровати и его стало рвать. Рисовая каша, которую с трудом ввели утром, вышла целиком.

Чэнь Суфэнь подошла и легко похлопала Сюй Миншэна по спине.

— Ли Чжэн, лекарство вышло.

— Введите снова! — не задумываясь, ответил Ли Чжэн.

Сухие спазмы продолжались, рвать больше было нечем, но желудок бунтовал, как при землетрясении. Он бессильно лежал на краю кровати, почти извратив всю желчь.

— Старый Сюй, ты должен съесть это! — в глазах Чэнь Суфэнь блестели слёзы. Она разжала рот Сюй Миншэна и насильно влила туда лекарство.

Сюй Миншэн морщился от боли, мотал головой, но Чэнь Суфэнь не сдавалась, прикрывая ему рот, не давая выплюнуть.

Желчь вытекала изо рта Сюй Миншэна, растекаясь по руке Чэнь Суфэнь, но она не разжала ладонь.

Когда секундная стрелка прошла двенадцать, Ли Чжэн поднял голову:

— Ван Цзин, внутримышечная инъекция.

— Есть! — Ван Цзин громко ответила, глубоко вдохнула, схватила руку Сюй Миншэна, которая из-за сильной рвоты была очень напряжена.

— Профессор Сюй, расслабьтесь, иначе будет больно, — сказала она и, напрягшись, воткнула иглу в нижний край дельтовидной мышцы Сюй Миншэна.

Препарат успешно вошёл в организм Сюй Миншэна. Ван Цзин вытерла пот со лба и посмотрела на Ли Чжэна.

Ли Чжэн отвёл взгляд от часов и кивнул ей, больше не говоря ни слова. Дальше всё зависело от самого Сюй Миншэна.

Он изучил историю болезни и записи о приёме лекарств Сюй Миншэна: у того не было аллергии на антибиотики, а карбапенемы не содержат тиазольного кольца, как пенициллины, поэтому перекрёстной аллергии обычно не бывает. Единственное, что беспокоило Ли Чжэна —

это нефротоксичность препарата.

<http://bllate.org/book/17704/1653503>